

УДК 111.1+101.2+929Деррида

БЫТИЕ-ЗНАЧЕНИЕ В ДЕКОНСТРУКТИВНОЙ ОНТОЛОГИИ ЖАКА ДЕРРИДА

В. Г. Косыхин

Косыхин Виталий Георгиевич, доктор философских наук, заведующий кафедрой философии и методологии науки, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Kosyhinvg@rambler.ru

В статье рассматривается проблема онтологического содержания деконструктивной герменевтики Ж. Деррида. Демонстрируется, что бытие и событие поздней хайдеггеровской онтологии в онтологической перспективе деконструкции уступают место пост-событийному, т. е. сочетающему сингулярность с ее собственным отсутствием, бытию-значению, где бытие не мыслится вне контекста возможностей его интерпретации. Задача деконструктивной онтологии состоит вовсе не в том, чтобы изобретать понятия, как это полагал, к примеру, Ж. Делез, но в том, чтобы видеть различные области значений, к которым могут быть приложены те или иные онтологические понятия. В этом смысле деконструкция сближается автором с позднеантичной онтологической герменевтикой платонизма. Новое переосмысление платонизма, характерное для работ Лосева, Колычева, Бадью, Деррида, снова возвращает нас непосредственно к онтологическому измерению платоновской терминологии и является, по мнению автора, магистральной линией развития современной онтологии. Онтологическое измерение деконструкции возникает в ходе проведения различий внутри контекстов значений онтологических терминов языка. В таком случае мы можем говорить уже о порождении философским текстом определенных смыслов, создающих условия для дальнейшей онтологической интерпретации. Анализ области этих смыслов и составляет онтологическое содержание деконструкции.

Ключевые слова: деконструкция, событие, бытие-значение, герменевтика, платонизм.

DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-141-145

Существует ли вообще деконструктивная онтология? Даже по сей день для многих, возможно, под влиянием аналитической критики в духе Д. Р. Серля, назвавшего деконструкцию течением в американском литературоведении, деконструкция ассоциируется более с эстетическим, чем собственно онтологическим измерением философского дискурса. Отрицая онтологическое значение деконструкции в пользу эстетического, при этом часто забывают, что та же эстетика вполне совместима с онтологией, о чем свидетельствует опыт ницшеанского аргумента «от стиля», магико-поэтического эффекта говорения о бытии позднего М. Хайдеггера или отождествление эстетики и онтологии в работах А. Ф. Лосева. В конце концов, сцена онтологического анализа

для деконструкции при всем языковом акценте несколько отличается от аналитической или герменевтической классики языкового поворота. Настоящий аналитик – человек с воображением. Эти слова Э. По и Ж. Деррида во многом могут служить основанием для последующих размышлений о метафизической трансформации современной философии, где критика прежних метафизических форм разума сменяется нащупыванием контуров новой метафизики.

По сути дела, разграничительной линией здесь стала деконструкция, сочетающая критику метафизики с конфигурированием новых пространств, потенциально метафизически значимых (дерридеанская рецепция феноменологии). Ключевыми для деконструктивной реконфигурации онтологии выступают проблемы бытия, значения и субъекта, вернее взаимосвязь этих проблем в пространстве их взаимозависимости. Бытие и событие уступают свое место пост-событийному, т. е. сочетающему сингулярность с ее собственным отсутствием, бытию-значению, где существующее немислимо вне контекста возможностей его интерпретации. В физике в свое время аналогичный процесс происходил в процессе построения квантовой теории – неопределенность и гипотеза фундаментальных симметрий В. Гейзенберга. Эти возможности требуют новых форм анализа, в которых генерируемое языком воображение, не беспредельное, но ограниченное неким спектром грамматических и терминологических значений, играет главную роль.

Бытие-значение как новая онтологическая реальность раскрывается как единое-многое и симметрично отображается в спектральном субъекте, в котором целостность не противоречит возможности смещения по заданным линиям спектра тех или иных значений терминов языка. Проблемы различия религиозного и светского, материального и идеального, естественнонаучного и гуманитарного уже не играют особой роли в метафизике бытия-значения, поскольку данные оппозиции выступают как одинаково возможные для любого семантико-прагматического выбора интерпретирующего субъекта, причем выбора не обязательно осознанного. Субъект здесь является

безразличным и пассивным как целое, но воображающим и активным как фрагментарность или как инстанция актуализации размещения в некоей спектральной возможности бытия-значения, которая принципиально равнозначна другим возможностям-линиям. Колебание между этими двумя-и-многими состояниями вполне отчетливо характеризует сферу современной субъективности. Как справедливо замечает В. Декомб, «мы считаем себя субъектами не потому, что чувствуем себя таковыми, а потому, что наша мысль находится под воздействием системы значений, а эта система важна для философии так же, как и она сама» [1, с.8].

Для деконструкции во многом именно через критику Хайдеггера становится возможным начертание основных линий нового онтологического мышления – мы говорим об онтологии, потому что вслед за Хайдеггером понимаем, что философия есть онтология. Но при этом возникает дополнительный вопрос: как понимать эту онтологию и, следовательно, философию? И здесь деконструкция почти всегда и непременно задает еще один вопрос: а что такое философ? Это человек, который, в первую очередь, работает с терминологическими значениями языка философии. Не тот, кто слышит голос бытия или постигает истину бытия (почти всегда и непременно по Хайдеггеру), но тот, кто работает со смыслами этой истины бытия, – философия, о чем после Хайдеггера многие склонны забывать, занятие интеллектуальное. И Хайдеггер, и В. В. Бибихин пытались показать недостаточность интеллектуального измерения философии, но та интеллектуальная философия, с которой они имели дело, начиная от неокантианства и заканчивая определенными формами неопозитивизма, находится на весьма почтенном расстоянии от тех границ интеллектуальности, которые задаются деконструкцией. Сама онтология деконструкции в значительной мере существует как критика той критики прежней онтологии, которую мы встречаем у Хайдеггера.

Близость этих двух критик происходит в силу требуемого ими переосмысления терминов наследия философии, но отличие онтологической позиции Деррида от онтологии Хайдеггера состоит в отрицании самодовлеющего бытия: для деконструкции не существует бытия, помимо бытия значения, бытие всегда что-то значит. Вопрос только в том, в каком смысле его переосмыслять. Здесь включается логика дополнительности (*supplément*): не герменевтика бытия, а герменевтика значения, поскольку для Деррида бессмысленно говорить о бытии самом по себе,

бессмысленно говорить о *Dasein* самом по себе, в отрыве от того значения, которое ему приписывает как хайдеггеровская, так и постхайдеггеровская онтология. Отсюда: деконструкция имеет дело со смещающимися спектрами значений или с областями значимости.

Таким образом, онтология у Деррида переходит на некий новый уровень, который требует кропотливых интеллектуальных исследований, т. е. превращается в своеобразную терминологическую работу мысли. Работа мысли составляет вовсе не «дело философии» (это модное ныне словосочетание, которое слишком часто и во многих контекстах вставляют по делу и не по делу), потому что у философии, как об этом прощательно писал еще Аристотель, в отличие от других наук нет вообще никакого дела. Вопрос не в том, чтобы заниматься каким-то одним делом, а в том, чтобы попасть в то поле смыслов, которое генерирует философия, и даже философии – во множественном числе: мы находимся отнюдь не в поле или полях философии, а в поле смыслов, даже в полях смыслов, которые порождаются разными философиями. Собственно деконструктивная критика учит понимать, когда мы находимся в одном поле и когда мы переходим уже в другое или одновременно располагаемся сразу в нескольких, чьи пересекающиеся границы вовсе не требуют радикальной отмены границ или уводящей в никуда безграничности.

Для деконструкции речь идет не о том, как это иногда склонны думать ее оппоненты, будь то Серль, Х.-Г. Гадамер или Ю. Хабермас, чтобы просто кого-то критиковать ради самого процесса критики, но о том, чтобы обнаружить некие смысловые горизонты или переплетения, которые позволят нам лучше представить интеллектуальные «пейзажи» того, что мы называем онтологией. Онтологией, повторю, уже не бытия, перечеркнутого крест-накрест поздним Хайдеггером, но бытия-значения.

По большому счету, деконструкция – это деконструктивная герменевтика; она не относится к философии постмодернизма, к которой Деррида никогда себя не причислял, в отличие от того же Ж.-Ф. Лиотара. Деконструкция и без постмодернизма – достаточно широкое явление: во-первых, всегда следует иметь в виду, что деконструкция зарождалась не только во Франции, но и в Америке, а вернее и там, и там одновременно. Вспомним, что первая презентация деконструкции состоялась в Балтиморе на международном коллоквиуме «Языки критики и гуманитарные науки» в университете Д. Хопкинса и что именно Йельская школа деконструктивизма открывала

новые перспективы деконструктивистской герменевтики, в том числе и в сфере онто-теологии. Во-вторых, существует целый ряд современных направлений пост-деконструктивного онтологического анализа, пожалуй, наиболее интересным и влиятельным из которых является концепция М. Мардера, соединяющего во многом парадоксальную идею постдеконструктивного синтеза со своеобразной растительной онтологией в духе аристотелевского учения о душе.

Если мы берем пространство феноменологии, то хайдеггеровская феноменология для деконструкции вовсе не означает прогрессивного шага вперед по сравнению с гуссерлевской – это шаг просто в другом направлении. И то, что феноменологически удалось получить Хайдеггеру для проекта новой онтологии, обрелось за счет утраты того, что представляло онтологический интерес в проекте Гуссерля, и наоборот. Поэтому можно говорить о двух параллельно развивающихся онтологических проектах, гуссерлевском, где основное внимание уделяется созерцанию, и хайдеггеровском, где это внимание концентрируется на событии. Более того, по сути, вся философия онто-историзма так или иначе нацелена на событие, берем ли мы Ницше, Хайдеггера с их критикой платонизма либо же их последователей – событие становится центральным пунктом онтологии. Деконструктивная критика событийных онтологий в этом смысле вполне продолжает классическую традицию. В онтологии Платона или Аристотеля событие играет вторичную роль по отношению к созерцанию, созерцание же принципиально не может быть событием.

Событие (*Ereignis*), согласно определению Хайдеггера, всегда уникально и неповторимо. Если мы будем исходить из такого определения события, то созерцание окажется всегда не уникальным и всегда повторимым. Впрочем, в отношении Деррида и деконструкции все, как всегда, выглядит не столь однозначным. Поскольку сама терминология Деррида предполагает некое интеллектуальное созерцание, работу с терминами, создающую в тексте своеобразные камерные пространства значимостей, то в результате любое событие теряет черты абсолютной уникальности и обретает уникальность множественную. Одно дело говорить, что мы неповторимо уникальны, но совсем другое дело говорить, что мы во множестве уникальны, поскольку последнее подразумевает утрату своей единственной и неповторимой уникальности. И вот это то, что происходит в деконструкции: мысль перестает быть решающим событием внутри бытия, поскольку имеет множество планов, множество ответвлений и множество

аспектов, которые не позволяют мысли стать событием. Как не сделать мысль событием – вот чем, по сути дела, озабочена деконструктивная онтология, или как бытию-значению не превратиться в прежнее бытие.

Онтология Деррида выходит за пределы тех горизонтов, которые предлагала философия постмодерна. Онтология в деконструктивистском понимании вовсе не учение о бытии или мире, это бесконечная терминологическая работа с границами значимости понятий мира, бытия, языка. Бесконечная еще и в том смысле, что нет той точки останова, в которой значение мира и бытия застывает в определенных границах. Это касается и интерпретации философской традиции. Как только мы решили, что, например, Кант прочитан и понят, это означает, для Деррида, только то, что мы так и не прочитали Канта и его не поняли. Кант не может быть прочитан до конца и не может быть понят до конца, процесс понимания Канта как постоянное уточнение значений всегда продолжается. Нет последнего суждения, последнего слова о Канте или последнего слова о Хайдеггере. В этом смысле деконструкция сближается с эйдетической диалектикой А. Ф. Лосева, которая тоже выходит за горизонты конечности понимания Платона, преодолевая устойчивое представление об идеализме платоновской философии как раз на пути тщательной терминологической проработки значений платоновских терминов. Лосев, как и Хайдеггер, как и Деррида, тоже предлагает пути мышления, которые позволяют нам вернуться к переосмыслению самих оснований онтологии. Для деконструктивной онтологии проблема, именно проблема начала или проблема оснований является ключевой.

Что означает основание? Никогда не существует только одного основания. Оснований всегда больше, чем одно. Поэтому, полагает Деррида, философия никогда не начинается заново, она всегда продолжает себя, т. е. философская мысль обнаруживает себя именно в момент своего продолжения. Когда мы думаем, мы продолжаем думать, но когда мы начинаем думать, мы еще не думаем. Деконструкция – это постоянное продолжение мысли, когда начало и конец в определенном смысле постулируются из факта или ситуации продолжения. Здесь деконструкция вплотную соприкасается с тем, что Гуссерль называл *philosophia perennis* – вечной философией.

В целом, говоря об онтологии после постмодерна, нужно обратить внимание на то, что можно определить как возрастание интереса к новому переосмыслению платонизма. А. Бадью

говорит о платоновском жесте философии и развороте современной онтологии к платонизму. А. Ф. Лосев еще в 80-е гг. прошлого столетия подчеркивал необходимость заново перечитать диалоги Платона в свете комментариев платонической традиции, и прежде всего Прокла. Причем эта новая герменевтика Платона предлагалась им не как задача истории философии, но как задача современной онтологии. В наши дни П. М. Колычев предложил свою оригинальную современную онтологическую интерпретацию диалогов Платона, в частности диалога «Тимей». Согласно Колычеву, каждый диалог Платона содержит особую онтологию, в чем-то пересекающуюся, а в чем-то и нет с онтологиями других диалогов. Любая попытка создания единой «идеалистической» онтологии платонизма рассматривается Колычевым как искусственная конструкция над онтологиями различия или релятивности [2, с. 8–14]. Тем самым платонизм у Колычева является неким порождающим полем онтологии, в том числе и онтологии современной. Это совершенно иной взгляд на Платона, чем тот, что до этого был в онтологии прошлого столетия. Работы Лосева, Колычева, Бадью, Деррида вводят нас непосредственно в онтологическое измерение платоновской терминологии. В этом измерении «идея» уже обладает не просто бытием, как полагали многие историки философии прошлых столетий, но именно бытием-значением. Онтологическая современность во многом прочитывается сквозь призму тех интерпретаций, которые современная мысль в состоянии предпринять для интеграции в себя мотивов платоновской философии.

Задача деконструктивной онтологии состоит вовсе не в том, чтобы изобретать понятия, как это полагал, к примеру, Ж. Делез, но в том, чтобы видеть различные области значений, к которым могут быть приложены те или иные онтологические понятия. Это означает смотреть, как, в каких контекстах фигурируют термины, изобретенные, например, Платоном, Фрейдом или Хайдеггером, что эти контексты могут означать для нас, как мы можем улучшить понимание той истины, о которой всегда говорит философия, и как мы можем к ней приблизиться путем неустанного терминологического анализа.

Деконструкция обращает внимание на различие языков философии. Проблема видится уже не в том, что есть «единый» язык онтологии, а в том, что языки онтологии у Платона и Аристотеля существенно отличаются. Более того, различие пронизывает терминологические значения ранних и поздних диалогов самого Платона. О подобном различии внутри языка онтологии можно говорить и в случае сравнения Платона и неоплатоников. Более того, внутри текстов неоплатоников осуществляется постоянное различие контекстов значений онтологических терминов языка. Когда мы постоянно концентрируемся на различии, самоотличии языков, то в результате перед нами возникает некая область бытия-значения, постоянно дифференцируемых смыслов. Понимание как раз и связано с четким проведением дифференциации, с умножением проводимых дистрикций и различий между смыслами. Например, с позиций деконструктивной герменевтики, чем больше мы вносим различий внутрь сферы значений хайдеггеровской терминологии, чем больше Хайдеггер начинает спорить с Хайдеггером, тем лучше мы понимаем Хайдеггера. И этот спор есть место рождения истины, не истины бытия, но истин бытия-значения.

Бытие-значение порождает контекст, обладающий эффектом или энергией смысла. Оно понимаемо внутри порожденного им контекста. Создание контекстов – вот чем занята деконструкция, контекст, даруемый бытием-значением, и есть та область, где философская теория и практика совпадают. Ведь деконструкция – это постоянное внесение контекстуальных уточнений и различий в процесс понимания, ситуация различения уточнений и получения удовольствия от уточнений различий. В конце концов, занятие философией должно сопровождаться удовольствием, которое и получает ум, когда он совершает работу контекстуального различения и уточнения понятий, генерируемых внутри и вокруг бытия-значения.

Список литературы

1. Декомб В. Дополнение к субъекту : исследование феномена действия от собственного лица. М., 2011. 576 с.
2. Колычев П. М. Онтология Тимея. СПб., 2012. 255 с.

Образец для цитирования:

Косыхин В. Г. Бытие-значение в деконструктивной онтологии Жака Деррида // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 141–145. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-141-145.

Being-meaning in the Deconstructive Ontology of Jacques Derrida

V. G. Kosykhin

Vitaliy G. Kosykhin, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, Kosyhinvg@rambler.ru

The article deals with the problem of the ontological content of the deconstructive hermeneutics proposed by Jacques Derrida. It is demonstrated that being, recognized as the event in the late Heideggerian ontology, in the ontological perspective of deconstruction yields its place to the post-eventual being-meaning, combining the singularity with its own absence, where being could not be conceived outside the context of the possibilities of its interpretation. The task of deconstructive ontology is not at all to invent concepts, as G. Deleuze believed, but to see the different ranges of meanings to which certain ontological concepts can be attached. In this sense, the author connects deconstruction with the modern ontological hermeneutics of Platonism. The new rethinking of Platonism, which is characterized by the works of Losev, Kolychev, Badiou, Derrida, brings us again back to the

ontological dimension of Platonic terminology and constructs, according to the author, the main line of development of modern ontology. The ontological dimension of deconstruction arises in the course of making differences within the contexts of the meaning of the ontological terms of the language. In this case, we can already speak of the generation of certain meanings by the philosophical texts that create conditions for further ontological interpretation. An analysis of the sphere of these meanings constitutes the ontological content of deconstruction.

Key words: deconstruction, event, being-meaning, hermeneutics, Platonism.

References

1. Descombes V. *Le complément de sujet – Enquête sur le fait d'agir de soi-même*. Paris, 2004. 540 p. (Russ. ed.: Dekomb V. *Dopolnenie k subektu: issledovanie fenomena deystviya ot pervogo litsa*. Moscow, 2011. 576 p.).
2. Kolychev P. M. *Ontologiya Timeya* [Ontology of Timaeus]. St. Petersburg, 2012. 255 p. (in Russian).

Cite this article as:

Kosykhin V. G. Being-meaning in the Deconstructive Ontology of Jacques Derrida. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 141–145. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-2-141-145.
